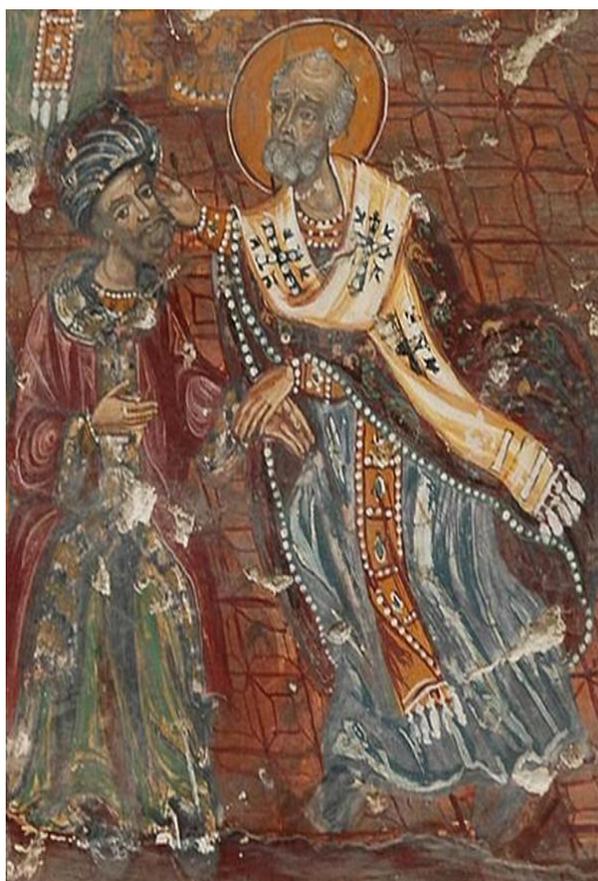

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗГОВОРА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

(Беседа с вдумчивым читателем)

Совсем недавно у меня состоялся продолжительный разговор с одним знакомым человеком, христианином, в процессе которого он рассказал о существовании и популяризации новой, «современной», точки зрения в богословской и церковно-исторической науке. Согласно этому воззрению, дорогой, любимый и почитаемый всем христианским православным миром Николай Угодник – святитель Николай Мирликийский – вовсе и не ударял по щеке еретичествующего священника Ария, а это, мол, сохранилось такое предание, не имеющее ничего общего с подлинной историей и с достоверными и документальными данными в свете современных научных открытий.

Святитель Николай Чудотворец
заушает еретика Ария на I Вселенском Соборе

Сам факт заушения еретика был включен в Житие Николая Чудотворца только в XVI столетии, и сравнительно недавнее появление этого житийного фрагмента также свидетельствует о его позднейшем происхождении, что говорит о невозможности быть ему в реальности. Итак, на основании сего, мой приятель быстро согласился с «новыми» данными и заключил, что описываемого события никогда в действительности не было и повествование это не что иное, как клевета на святителя! На вопрос, почему же он так легко согласился с бесспорно любопытной точкой зрения, мой собеседник высказал ту мысль, что лично для него априори святой человек вообще не способен кого-то ударить (заушить – как ни называй), тем более человек удивительный и выдающийся, каким, без сомнения, был и является святой покровитель городов Бари и Мир Ликийских. «Ты, понимаешь, это же святитель Николай!» – думая, что этим главным и развенчивающим все окончательно «аргументом» поставил бесспорную «жирную» точку, завершил приятель диалог.

Заинтересованному этой темой, мне немножко пришлось «покопаться» в Интернете и найти статью протоиерея Ливерия Воронова, автора данной идеи. Бесспорно, имя его известно в богословской и догматической науке. Однако, что касается меня, то аргументация отца Ливерия не убедила принять его мнение. Наличие даже великого имени не освобождает от ошибок и заблуждений. Мы остаемся людьми, а «людям свойственно ошибаться». Тем более интересующимся всемирной историей известно, сколько подчас умнейших людей в человеческой истории выражали в определенные моменты своей жизни неверные и неправильные суждения. Так что мнение любого человека имеет право существовать. Тем не менее, любознательного читателя направляем познакомиться со статьей уважаемого протоиерея Ливерия: «Святитель Николай – ревнитель и защитник Православия».

Может быть, кому-то из читателей покажется близкой позиция автора статьи. Проблема, как мне видится, состоит не том, кто более прав или неправ. Глубоко входить в эти размышления – дело специалистов, занимающихся конкретикой подобных вопросов-ответов. Дело, подчеркнем, располагается в

иной плоскости. Появление новых открытий и новых точек зрения, идей всегда было, есть и будет. Это существует в истории, науке, в частности в осмыслении истории Христовой Православной Церкви и христианского веро- и нравоучения. Это нормально. Поразительной в беседе была не новизна и сообщение о ней, а то, с каким воодушевлением подхватил эту идею основательный, глубокий и уважаемый христианин. Выходит, святитель Николай всегда был идеально свят, и единственная «заусеница» сомнительного по достоинству дела теперь может быть с успехом удалена, и возникает тот образ, к которому мы поневоле, как неофиты (недавно уверовавшие), стремимся – к идеальному, а в конечном счете, к образу безгрешного святого. Теоретически все понимают, что без греха только Бог, святые также нуждались в милости Спасителя, однако практически все существо человека восстает против своей же логики мысли. Если дать кому-либо право исправить святое Евангелие, тот убрал или смягчил бы повествование об изгнании торгующих из Иерусалимского храма, об отречении апостола Петра, о гонении Христовой Церкви Савлом – будущим Первоверховным апостолом Павлом и многое другое. Здесь ведь тоже образы великой Святыни и святости, и по той же логике следует «зачистить» «неудобные» фрагменты жизни Господа и величайших святых людей.

Изгнание Иисусом Христом торгующих из храма

Продолжая разговор (мне необходимо было убедиться, правильно ли сделано умозаключение), я задал вопрос: «Разве уж так смущает Вас этот инцидент в биографии святителя Николая, что Вы так быстро отметаеете традицию, существующую, даже по отцу Ливерию, более 400 лет? Вы считаете, что нужна *чрезмерная идеализация святых?*» И тут же услышал одобрительный и утвердительный ответ. Кроме того, моему другу, как он вновь подтвердил, претила сама мысль о том, что Николай Чудотворец мог, как святитель и святой, на кого-то поднять руку!

Да, действительно было бы удобно, если бы, что мы ни узнавали о святых, то всегда было только хорошее, великое, положительное, героическое. Однако это только на первую мерку. То, что жизнь много глубже, интереснее, непостижимее наших схем и рамок, в которые мы часто стремимся втиснуть ее, это только один вопрос. И что лучше: действительная реальная жизнь или ее мертвая схема-калька? Есть и еще один важнейший вывод. Образ излишне идеальных святых привел бы к тому, к чему и приходят в житейской практике некоторые христиане, оправдывающие свое «вялое» спасение во Христе известным аргументом: «Ну, это же святые! А мы люди грешные».

Близкое отношение и понимание святого человека, что в принципе он был «из того же теста», что и мы, отсутствует. А отличие святого – это решимость к спасению, по словам батюшки Серафима, это, добавим, несомненная вера в Спасителя и Господа Иисуса Христа и – главное – действие благодати Святого Духа, преображающей человеческое естество (любого идущего по пути святости человека!), по известным словам Таинства Хиротонии (Рукоположения): «Божественная Благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая...» В действительности же святой близок к нам именно своим, конечно *сравнительным*, несовершенством – определенными грехами, в том числе неведения, ошибками и падениями, а для нас возможно сделаться близкими ему – покаянием (вспомним пророка Давида, преподобную Марию Египетскую и многих других) и восстанием через него, а главное – осознанием недолжного и несокрушимым стремлением и усилием всего естества человеческого не повторять более прежних ошибок, с одной стороны, и присутствием в жизни милости, и любви, и прощения Божия, и спасительной Христовой Благодати – с другой.

Что касается святителя Николая, то широко известное предание о заушении им еретичествующего пресвитера Ария слишком глубоко вошло в мировую и отечественную православную историю и культуру. Кстати, рассуждая о его достоверности, хочется предложить и такое размышление. Зачем, при трепетном и с любовью отношении к архиепископу Мирликийскому Николаю, его современникам или, в случае позднего происхождения предания о заушении, автору XVI-XVII века было включать в Житие великого угодника неуточненное, непроверенное и сомнительное предание, к тому же если оно затмевает образ великого и любимого святителя? История эта должна была пройти и в случае позднего происхождения – в любое время своего появления – тщательнейшую проверку исследователями пути во Христе святителя. Если бы не имело достаточных оснований, это предание никак не стало бы общей традицией, как умаляющее авторитет всенародно любимого архипастыря. Впрочем, это тоже лишь логичная аргументация. Но не лишним здесь видится

нам вопрос: зачем нужно сейчас, в наши дни, под «новые открытия» подводить новые основания?

По существу вопроса хочется сказать о следующем. Во-первых, как было сказано ранее, святые тоже не были безгрешными, они могли оступаться, как у людей у них также были ошибки. «Все человечество и *каждый человек* находится в неоплатном долгу перед Богом», – пишет выдающийся подвижник благочестия XX столетия, замечательный духовник, опытный руководитель в духовной жизни игумен Никон (Воробьев). В другом месте: «...*каждый человек* находится в глубоком падении...» (курсив наш. – В.К.).

Во-вторых, ревность, гнев и подобные им качества мы видим в себе проявляющимися через страстные движения – злобу, злопамятность, эгоизм, ненависть и т.п. При виде всей их разрушительной сущности, отрицательных последствий, неприглядности во внешнем проявлении у нас складывается стереотип об однозначной невозможности в жизни святого Божия человека подобных действий, поступков. При этом забывается: все, что есть в человеке, есть дар и творение Божие. Поврежденность человеческой природы, или первородный грех, как раз привела не к появлению в нас неких новых, доселе неизвестных, качеств и свойств, а извратила вложенные Богом свойства, то есть предала им другое направление и применение. В частности, гнев к греху, ко всему подлинно недолжному (праведный гнев) – чувство естественное и здоровое, но оно превратилось в полную или частичную свою противоположность. Аналогичное мышление приличествует и в отношении других страстей.

В нас, людях, поврежденных грехом, порой вложенные Богом качества могут достигать противоположного значения, извращенные нашим падением и Богу противящейся греховной волей. Не имея положительного примера проявления гнева, то есть гнева к греху, человек исключает его наличие в праведном святом человеке. Гнев и святость – вещи несовместные! Данное утверждение схоже с известным ложным тезисом: «гений и злодейство –

понятия несовместные» – не находите? Ведь повсюду в мировой истории именно человеческие гении являлись нередко величайшими злодеями.

К счастью, христианство исцеляет это заблуждение. В истинном благочестии и христианской любви возникает понятие *святой*, или *праведный*, *гнев*. Частью общества сравнительно недавно это не понималось, кем-то не понимается и по сей день. Кстати, святитель Тихон Задонский еще в XVIII веке с горечью писал: «Христианство постепенно удаляется от христиан». В широком смысле это означало, что для большей части христианского общества того времени смысл христианства оставался неясным, непонятым, искаженным.

Как же быть тогда с изгнанием торгующих из храма? Здесь какая-то тайна, которая нам, во многом поверхностным христианам, недоступна, непонятна. По Евангелию выходит, что правильная, святая ревность по Богу не просто Ему угодна, а прямо завещается Самим Богом всем Его ученикам и последователям. Обратим внимание, что поведение Господа в этом случае в очередной раз привело в замешательство фарисействующих иудеев.

Третье. Важно помнить и понимать, что в исключительных случаях святые *ничего не делали и не говорили от себя*, а то, что открывал им Бог. Мы, конечно, не можем войти в необозримые глубины духа и мыслей Божиих угодников. В Священном Писании сказано: кто знает о человеке, кроме Бога и духа человеческого, живущего в самом человеке (ср.: 1 Кор. 2, 11)? Тем более если это касается христианских святых и праведников. Не комментируя сами поступки в жизнеописаниях избранников Божиих, мы встречаем в них упоминания случаев ударов, заушений (пощечин) не только святыми «обыкновенных» грешников, но и ударения, даже драки одного святого с другим (пример новгородских юродивых Христа ради Николая Кочанова и Феодора).

В Житии уже упоминавшегося святителя Тихона Задонского рассказывается, как юродивый Каменев *ударил* святителя по щеке со словами: «Не высокоумь».

Василий Суриков. Юродивый
(фрагмент картины «Боярыня Морозова»)

В Серафимо-Дивеевской летописи можно найти следующий рассказ. «Епископ Нектарий продолжал делать по-своему (то есть не по Божьей воле. – *В.К.*). Ушакова была отстранена от начальствования; на ее место по жребию была поставлена архиереем Лукерья. После этого епископ Нектарий от службы шел мимо другой юродивой, Пелагеи Ивановны Серебряковой. Вынув из кармана просфору, он подал ей. «Она молча отвернулась, – рассказывает Анна Герасимовна, ухаживавшая за ней. – Ему бы и уйти: видит – неладно, прямое дело. Кто им, блаженным, закон писал? На то они и блаженные. А он, знаешь, с другой стороны зашел и опять подает. Как она встанет, выпрямится, да так грозно. И *ударила* (курсив наш. – *В.К.*) по щеке со словами: «Куда ты лезешь!» Видно, правильно обличила, потому что владыка не только не прогневался, а смиренно подставил другую щеку и сказал: «Что же? По-евангельски бей и по другой». «Будет с тебя и одной!» – ответила юродивая. Архиерей уехал». И

нужно было пройти некоторому времени и ряду обстоятельств, чтобы владыка сумел оценить поступок блаженной: «Великая раба Божия она!.. Воля архиерея – не воля еще Божия!»

Это только два из известных для христиан случаев того же «рукоприкладства», которые в действительности существовали и будут существовать в Церкви и ее истории, по видимости, до Второго и Славного Пришествия Христова. Другое дело, что таинственные действия святых, действующих по воле Божией, Его спасительному Промыслу и Домостроительству, не должны слепо повторяться всеми христианами. Исключения не следует брать за норму и практику в современной жизни, когда некоторые из верующих берут на себя право бить другого человека за несогласие с ними во мнении и ссылаются при этом на прецедент, скажем, святого Николая. В то же время не нужно слепо осуждать старающегося жить благочестиво человека, отдельные поступки которого, в силу их отличительности от «принятой нормы», мы не способны понять и воспринять как действия человека «по-настоящему» благочестивого, «святого». В качестве примера хочется вспомнить бессменного почти 50 лет регента братского хора Свято-Троице-Сергиевой Лавры, ныне покойного архимандрита Матфея (Мормыля), которого ох как осуждали при жизни за то же самое «рукоприкладство» по отношению к своим певчим. А ныне – где сейчас его обвинители?! А тех, кого он воспитательски «прикладывал» (и среди них были даже ставшие впоследствии архиереями), доньше вспоминают о нем с любовью, почитанием, огромным уважением! А сколько людей присутствовало на похоронах! О многом говорит и сам факт, что усопший погребен в Лавре, где никого не хоронили с 1986 г.

Архимандрит Матфей (Мормыль) (1938-2009)

В-четвертых, существует весомое мнение, согласно которому термин «заушение» истолковывается не как сильный удар, но довольно легкий и неболезненный, по видимости агрессивный, но по внутренней сути движимый любовью, а не ненавистью, сродни наказанию матерью ребенка, которая, любя его, наказывает ради исправления и, в конечном счете, спасения. Так и Николай, с любовью, боясь за участь Ария, не отдававшего себе отчета, при том неуважительном поведении в отношении разбирающего его лжеучение святого епископата, в страшной хуле, которую извергал он на Сына Божия, Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и не замечавшего ее, – пытался вразумить еретика. Забота и скорбь сердца святителя – как бы не постигло его, Ария, тут же (или в скором будущем) заслуженное наказание, внезапная смерть за богохульство. Как бы так: «Остановись, прекрати, перестань, не греши!» – восклицал дивный светильник Божественной благодати.

Пятое. Можно было бы не говорить о безусловной подлинности церковного предания о заушении святителем Николаем Ария, если не одно важное обстоятельство. Известно, что святой Николай Чудотворец присутствовал на Первом Вселенском Соборе. Однако подписи его как архиерея на актах собора нет. Это обстоятельство вполне объяснимо в том случае, если он по какой-то причине был отстранен от Собора или лишен сана,

что косвенно подтверждает правильность предания о заушении Божиим святителем Ария. Потому что в случае действительности факта удара очевидцами были все или большинство участников Первого Вселенского Собора, и почти все они – епископы! А это уже не шутка! Столько авторитетных очевидцев и свидетелей, а не просто сохранившееся мнение одного из недоброжелателей святителя, в подлинности которого еще можно было усомниться. Сам равноапостольный император Константин присутствовал на упомянутом Соборе, а Святая Церковь ныне воспоминает и прославляет 318 отцов Собора и молится им!

Согласно повествованию Жития Николая Угодника, он был заточен под стражу, ожидал окончательного суда над собою. Отцы Собора вознегодовали на святителя и за его дерзкое деяние постановили лишить его архиерейского сана, сообщается в Житии. Дело, по видимости, могло окончиться извержением из сана, а также ссылкой. Можно представить переживания Божия избранника! В чудесном видении, которое удостоились лицезреть несколько епископов, Сам Господь Иисус Христос возвращал святителю святое Евангелие и Божия Мать возлагала на него омофор, возвращая архиерейское достоинство. Тем самым прочим была показана милость, снисхождение Божие и одобрение Господом действий святой ревности по Богу Чудотворца Николая.

Может быть, с самого начала это было деяние по воле Божией, не открытой сразу прочим. Однако не исключено, что все эти перипетии, как результат его собственной по любви к Богу ревности, стали жизненным уроком и для самого святого. Известно из пространного Жития, что более ничего подобного с ним уже не происходило. Пусть у него была святая ревность, однако он – епископ, архиерей Божий, и Господь показал ему через других собратьев-епископов, что не нужно все же было этого делать. То есть это был урок Божественного Домостроительства, но не наказание горящего в сердце любовью Христова угодника.

Чрезмерная идеализация святых, их жизни приводит к значительным ошибкам, а в отдельных случаях к непоправимым (труднопоправимым)

историческим последствиям. Так, теоретически, по букве мы постулируем, что святые тоже не безгрешные и тоже нуждаются в искуплении, исцелении, уврачевании греховных язв и т.д., но это утверждение проходит не по глубине нашего ума, сознания, естества и сердца, а остается на поверхности, на периферии сознания, не касаясь нашего существа. Своего рода как «головная» вера, которая только признает бытие Божие, но не является верой живой, горячей, умно-сердечной, спасающей. Внутри же мы, как это ни звучит противоречиво, остаемся в общем, известном «всем» убеждении в безгрешности и идеальности святого. В этом ложное благочестие, или благочестие не по разуму.

Образ, жизнь, деятельность святого перестают нами восприниматься по-настоящему нужными, полезными, нравоучительными. Он становится сродни красивой безупречной вещи, коей любишься, но не пользуешься, боясь сломать или разбить. И пример с завышенной идеализацией не учит, не зовет к подражанию, как практически недостижимый. Человек часто, в конечном счете, отказывается от коренного исправления своей жизни (кроме разве единиц сильных духом), «привыкает» жить с самим собой любимым, просто ходит в церковь, ставит свечи, подает записки, даже часто исповедуется, причащается, но по большому счету остается тем, кем был до прихода в храм – не обновленным, не изменившимся, живя духовно поверхностной, но язычески полноценной жизнью, с прежним мироощущением и самосознанием. Между ним и таким высоким образом святого нет живой, личной, зовущей к перемене образа мыслей, жизни связи. «Таким мне никогда не быть», – убежденно вздыхает он (а особенно, если святой целомудрен и девствен от юности, а новообращенный пришел с багажом разврата или не одного невенчанного сожительства или брака).

До сих пор этот парадокс в жизни (от греха к святости) некоторым претит. Как еще один пример – образ равноапостольного князя Владимира. Вспоминается мнение одного достаточно авторитетного христианина, слышанное мною еще в середине 90-х годов прошедшего столетия. Мол, мощи

святого Богу было не угодно сохранить за прежнюю греховную жизнь. Конечно, все возможно, возможно и это. Богом делается все по любви к человеку, по правде, по справедливости, по суду. Однако если в церковном предании нет действительно точного сообщения об этом и это мнение конкретного человека, то, думается, не стоит свои мысли выдвигать за мысли божественные и, по выражению святителя Николая Сербского (Велимировича), «представлять свою голову на плечах Христа».

Образ святого истинный, реальный, насколько это возможно нам прозреть сквозь глубь веков, становится близким, живым по поразительному сходству с нами в своих общечеловеческих проявлениях. Прославляемые в наше время новомученики и исповедники Российские, очевидцы и знакомые которых еще живы или ушли ко Христу сравнительно недавно, перестают удивлять нас, неся нам в себе нечто такое, что не совсем соответствует нашему представлению о святости, идущему из повествований о святых седой древности. Зато появляется теплое, горячее желание усердно помолиться *живому* святому, который прошел это житейское море, достиг спасительной Христовой гавани и силен помочь, вымолить и нам достичь Христа и спасения. Иллюзорность, сказочность исчезает, проступают грани реального. Для нас памятен традиционный канон Жития – и ощущается не только сходство его, но и различие с реальной жизнью угодника Божия.

Такое восприятие помогает видеть, что в жизни подвижников были тоже падения, ошибки, удаление от Бога и снова возврат к Нему. Путь ко Христу не закрыт ни для кого, и Бог всех зовет, любит и прощает. Нужно только покаяться на деле, то есть изменить всю предшествующую греховную жизнь, и при содействии благодати Божией, Пресвятой Богородицы, ангелов и святых последовать Господу.

Мне все-таки думается, что все в совокупности названное и предложенное к совместному обсуждению, где-то исправлению, уточнению тобой, милый читатель, нисколько не снижает дорогой образ великого святого, жившего на рубеже III-IV столетий, Святителя и Чудотворца Николая.

Пойдемте, любезный спутник, дальше – и придем и возрадуемся на Божественной литургии в день перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в город Бари (22 мая). Поздравим Угодника и испросим мир, счастье, процветание, любовь родной земле нашей.

*Диакон Валерий Казанцев,
храм в честь иконы Божией Матери «Целительница»,
г. Тюмень*